
МИФОПОЭТИКА П. КРУСАНОВА: ЛЕГЕНДА ОБ ИСТИННОМ ПРАВИТЕЛЕ В РОМАНЕ «УКУС АНГЕЛА»

А.С. Торосян

Кафедра русской и зарубежной литературы
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117298

Исследование посвящено одной из центральных проблем современного литературоведения — взаимодействию литературы и мифа. В статье ставится задача доказать, что образ главного персонажа в романе петербургского писателя Павла Крусанова «Укус ангела» прорастает из мифа о культурном герое. Анализируются существенные этапы становления главного героя, основным из которых является обряд посвящения, имеющий мифологические корни, а также мотив инцеста, как одной из центральных тем в архаических текстах. В процессе исследования автором было выявлено, что художественное произведение П. Крусанова «Укус ангела» содержит в себе компоненты, указывающие на мифологический характер художественной структуры романа. Изучение мифопоэтики романа «Укус ангела» позволит вписать творчество Крусанова в общий контекст современного художественного мифологизма.

Ключевые слова: Крусанов, мифологизм, миф, культурный герой, инициация, архетип, «меченость», обряд.

Обращение к мифу в культуре вызвано тем, что мифологическое сознание содержит вечные и устойчивые ценности, которые становятся для художника опорой в изменчивом мире, а по мнению русского филолога и фольклориста Е.М. Мелетинского, мифотворчество XX в. используется как «средство обновления культуры и человека» [6. С. 56].

Активное взаимодействие мифа и литературы путем использования мифологических сюжетов и образов в художественных произведениях привело к появлению авторского мифологизирования, одного из ведущих направлений современного литературного процесса.

В русской литературе авторское мифологизирование как культурно-исторический феномен складывается в начале XX в. прежде всего в творчестве русских символистов. Одним из первых ярких примеров русского мифотворчества стал роман А. Белого «Петербург», в основе которого лежит миф о Петербурге, его призрачности и т.д. Миф и литература переплетаются в художественных мирах М. Булгакова и А. Платонова. Тенденции использования национально-фольклорного типа мифологизма активно проявились на рубеже 1960—1980-х гг. в произведениях Ч. Айматова, А. Кима, О. Чиладзе.

Анализ мифопоэтической структуры романа П. Крусанова «Укус ангела». П. Крусанов продолжает традиции русского мифотворчества, развивая миф о Петербурге Н. Гоголя, А. Белого, Е. Замятина, Д. Андреева. В критических работах, посвященных творчеству современного прозаика, часто проводятся параллели с произведениями зарубежных мифотворцев: У. Фолкнера, Г.Г. Маркеса и М. Павича. Критики отмечают, что их объединяет использование приема совмещения

реалистичного рассказа с вымыслом (например, события романа могут происходить в вымышленном писателем городе), создание неомифа, глубоко связанного с национальным духом (например, история одной семьи может представлять историю целого народа). Основные научные работы вписывают творчество Крусанова в контекст неомифологической литературы. Так, в своем исследовании «Повествовательные стратегии в современной прозе» С.С. Пахомова подчеркивает, что основной постмодернистской стратегией в творчестве Крусанова является «соединение мифологической архаики и элементов постмодернистской литературной традиции как средства модернистского переосмысления русской жизни» [10]. Т.К. Ермоченко анализирует мифологему Петербурга в произведениях Крусанова, с помощью которой, по мнению ученого, писатель создает образ имперского города.

Миф выступает в качестве творческого источника в произведениях Крусанова. Связано это с тем, что главная художественная идея писателя направлена на сохранение связей с культурным наследием прошлого: «Миф — вот базовое основание литературы. Большинство моих книг — попытка освоить и вновь обрести неомифологическое пространство» [2. С. 283].

В романе «Укус ангела» Крусанов опирается на миф о культурном герое. Культурный герой-демиург — древнейший образ мировой мифологии. Как отмечает Е.М. Мелетинский, «культурный герой (англ. Culture hero, франц. Heros civilisateur, нем. Heibringer) — мифический персонаж, который добывает или впервые создает для людей различные предметы культуры (огонь, культурные растения, орудия труда), учит их охотничьим приемам, ремеслам искусствам, вводит определенную социальную организацию, брачные правила» [5].

Миф о культурном герое в романе «Укус ангела» воплощается в образе «истинного правителя», Императора Ивана Некитаева, черты которого заложены в названии романа. Далее они отмечены в словах старика: «Государь завсегда меченый. Только отметина та простому глазу не видима. Как бы тебе...точно ангел поцеловал — вот. Да не печально, а со страстью — с прикусом» [3. С. 65]. «Меченость» героя, которая, как нам представляется, связана со свойством «исключительности», скрыта в происхождении Ивана. Герой Крусанова — сын русского офицера и китайской девушки, в нем сошлись две культуры: европейская и азиатская.

Очевидно, что Крусанов таким образом затрагивает тему евразийства. Евразийство — философско-политическое движение, выступающее за отказ от европейской интеграции России в пользу интеграции с центральноазиатскими странами. Концепция евразийства зародилась в начале 1920-х гг. в эмигрантской среде. Создателями этой концепции были Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Вернадский. Тема евразийства проходит через всю творческую жизнь Л.Н. Гумилёва. Русские философы говорили об исключительности России, обусловленной ее местонахождением в двух частях света, что накладывает отпечаток на ее культурный мир. Иван является олицетворением этой исключительности. Его русско-китайское происхождение означает предзнаменование великого будущего, рождение героя сверхнационального, евразийского масштаба.

Зачин мифологического сюжета воплощается в греховной любви русского офицера Никиты и дочери рыботорговца Джан Третьей. У них рождается дочь Татьяна. Спустя два года Никита смертельно ранен на войне с Турцией, но перед смертью он проводит свою последнюю ночь с Джан Третьей. Эта ночь ознаменована смертью русского офицера Никиты и зачатием его сына и будущего Императора Ивана Некитаева.

В этой вступительной части произведения последовательность событий позволяет говорить о специфике мифологической концепции времени и пространства, т.е. о цикличности. Особенность мифологического цикла заключается в том, что рождение и смерть отождествляются. Смерть героя влечет за собой рождение нового. Смерть русского офицера Никиты была началом рождения новой жизни: «Это была последняя ночь в его жизни, и он ее не проспал. Швы разошлись, не выдержав упоительной битвы. Так подобно Тристану, был зачат Иван Некитаев, прозванный людьми “Чумой” [3. С. 8]. Вскоре Джан Третья во время родов также покидает мир живых и «перебирается в страну китайских духов» [3. С. 9].

Так, будущий император становится сиротой уже в первых эпизодах романа. Иван с младенческих лет, не зная материнской ласки и отцовского воспитания, обречен на столкновение с холодным миром одиночества, что, безусловно, стало залогом его величественных и жестоких поступков в скором будущем. Как отмечает М. Элиаде «... трагедия брошенного младенца компенсируется мифологическим величием “сироты” “перворебенка”, в его полном неуязвимом вселенском одиночестве и абсолютной единственности. Появление подобного “дитяти” совпадает с неким изначальным моментом творения космоса, создания нового мира, начала новой исторической эпохи или новой жизни на каком-то уровне действительности... Именно поэтому героями или святыми чаще всего становятся брошенные дети» [7. С. 62—63].

Создавая миф об истинном правителе, Крусанов поэтапно рисует все стадии становления героя с момента его зачатия. Описание детства будущего правителя является основой его образа: «Иван одиноко копался в песке, мастерски возводя крепости и населяя их оловянным гарнизоном, строил дома из камешков и веток... во всех его делах чувствовалась если не кротость, то некая отрадная мягкость. Но сталкиваясь с грубой волей бытия, вера эта неизбежно и уродливо коверкалась... Перемена, происходившая с ним в такие минуты, ясно показывала, что будущее зависит от слепого случая: при удачном стечении обстоятельств он может стать лучшим из людей, но если что-то пойдет не так — на свет явится чудовище» [3. С. 11]. В этом отрывке отображается тяга будущего правителя к созданию чего-то масштабного и фундаментального, на пути к которому он ни перед чем не остановится.

Мотив инцеста между братом Иваном и сестрой Татьяной играет еще одну важную роль в мифологическом слое романа. Прошлое повторяется, родители Ивана и Тани были рождены в греховной любви, и теперь они сами становятся заложниками еще более страшного греха. Барьер строжайшего табу в мифологическом сознании способны разрушить лишь магия и ритуал. Магическими нитями Таня окутывает сознание Ивана: «Медвяный яд Таниного поцелуя, ее по-

следующие слова, касания и взгляды — все эти до невинности изящные фигуры соблазнения и умыкания еще свободных от любви сердец сделали жизнь Ивана невыносимой... сонм болтливых демонов устроил балаган в его сердце...» [3. С. 15]. У Ивана появляется наваждение, избавление от которого он видит в смерти.

Мотив инцеста вносит дополнительный смысл в раскрытие образа главного героя. Е.М. Мелетинский в статье «Об архетипе инцеста в фольклорной традиции (особенно в героическом мифе)» пишет: «На глубинном уровне инцест знаменует: 1) хаотическое состояние, маркирующее “начало” героя (героическое *enfance*); 2) его исключительность и 3) достигнутую сексуальную зрелость, которая поддерживает и магическую силу героя» [4. С. 230]. Таким образом, инцест в героическом мифе имеет двойственную природу: с одной стороны, инцест — это табу, за нарушение которого следует наказание космического масштаба, с другой — инцест знаменует зрелость героя и одновременно его исключительность. С.С. Аверинцев утверждает, что мотив инцеста символически (метафорически) сопряжен с идеей узурпации власти над матерью-родиной [1. С. 92]

В мифологических сюжетах инцест встречается довольно часто. Первоначально инцест носил примитивный характер, и он не был запрещен. В греческой мифологии в кровосмесительных браках богов между братом и сестрой состояли Уран и Гея, Кронос и Рея, Зевс и Гера. Впоследствии инцест стал сакральным и считался наивысшим моральным запретом. Мотив инцеста связан с проявлением силы, обозначением властвующей стороны. Самый известный пример сакрального инцеста описан в мифе об Эдипе. Эдип, достигнув зрелости, отправляется в Дельфы, чтобы убить своего отца, жениться на своей матери и завладеть престолом.

Кровосмесительные связи встречаются не только в греческой мифологии: египетские фараоны часто женились на сестрах. Инцест, который совершал правитель, был связан с божественностью, со сверхчеловеческой властью. Монарху было дозволено то, что дозволено только богам. Сакральный инцест — символ царственной вседозволенности, символ пренебрежения главным моральным запретом.

Царственную вседозволенность Иван впервые проявляет, когда обнаруживает в Петре соперника в борьбе за любовь Тани. Именно благодаря соперничеству Иван обращает внимание на Таню и начинает испытывать к ней уже не братскую любовь. Мысль о соперничестве с Петрушей не давала покоя будущему Императору и, как в детстве, когда ничто мешало достичь желаемого, он, не раздумывая, обрушивает на соперника всю ярость и властную природу своего характера: «Ничего не подозревающий Легкоступов, спугнув стайку водомеров, зашел в озеро по грудь... и тут настигший его Иван бестрепетно и по-военному четко продемонстрировал усвоенный урок. Взяв в кулак волосы на затылке Петруши, кадет Некитаев решительно окунул голову соперника в озеро... Извергая пузыри и поднимая придонную муть, Легкоступов забился и засучил в воде руками, однако Иван держал жертву крепко. Когда Петруша обмяк и пальцы его перестали цепляться за руки и ноги мучителя, Некитаев вытащил едва живого герменевтика на берег» [3. С. 19].

В этом эпизоде Некитаев проходит обряд посвящения, ритуал зрелости. Вот что пишет М. Элиаде об инициации в героическом мифе: «Племенные инициации открывают перед посвящаемым мир духовных и культурных ценностей, превращая его в наделенного всей полнотой ответственности члена общества... В большинстве случаев ритуалы зрелости, так или иначе, предполагают открытие сексуальности. Короче говоря, посвящаемый, проходя инициацию, оставляет позади “естественный” (то есть детский) способ существования, получают доступ к культурному, приобщаясь к духовным ценностям» [8. С. 129]. Рассмотрение ритуалов представляет особый интерес для мифопоэтического анализа художественного произведения, так как обряд или ритуал прорастают из природы мифа. По мнению мифологов, обряд — это практическое освоение мифа, ритуальное действие, описываемое мифом: «Обряд составляет как бы инсценировку мифа, а миф выступает как объяснение или обоснование совершаемого обряда, его истолкование» [7. С. 235]. Обрядовые мотивы в романе «Укус ангела» служат для воплощения образа культурного героя.

В скандинавском эпосе «Сага о Вёльсунгах» повествуется об испытаниях, которые необходимо пройти Синфьотли, чтобы стать достойным воином. Он сопротивляется физическому страданию, когда мать сдирает с него кожу, побеждает страх быть укушенным змеей и т.д. Лишь пройдя все испытания мужества, Синфьотли получает право отомстить за убийство его семьи. М. Элиаде так истолковывает инициатические темы в мифологии: «Молодой воин должен преобразовать свою человеческую сущность припадком агрессии и ярости, которые сопоставляли его с бушующим хищником. Тогда юноша наполнялся таинственной, нечеловеческой и непреодолимой силой, которая поднималась из предельных глубин его существа и проявлялась в ярости и воинской мощи» [6. С. 341].

Иван, впервые проявив ярость и жестокость к сопернику, переходит из мира юношеского бездействия в зрелый осознанный мир. Он готов к внутренним переменам, к наполняющей его нечеловеческой, легендарной силе, которая приведет его к единоличной власти. В Иване с каждым новым испытанием, этапом становления усиливается призыв к историческим свершениям.

Оставив позади кадетский этап жизни, Некитаев постепенно становится успешным полководцем. Его способы ведения войны приводят к появлению многочисленных легенд вокруг личности Ивана. Успешность, жестокость и полное отсутствие страха перед врагами предвещают будущее Ивана: «Враги ненавидели и боялись его, всерьез считая, что сам Иблис вселился в этого отчаянного уруса, наделил его своей дьявольской хитростью и на погибель правозверным добывает ему победу за победой. Не раз мятежники, превосходя противника силой, суеверно уклонялись от стычек с отрядом Иван-шайтана... Пепелища, руины и курганы трупов оставлял за собою лютый батальон. Некитаев нещадно проливал кровь врагов, но он не унижал их ни излишней жестокостью казней, ни насмешкой, ни милосердием. Пожалуй, для горцев это было самым загадочным и невыносимым, ибо в их мере бытия, действительно, выглядело чем-то нечеловеческим» [3. С. 31].

Не только личные качества и особенное происхождение героя говорят о героическом будущем Ивана. Важную роль в становлении культурного героя играет

образ старика, увидевшего в молодом Иване великого правителя. Глава «Старик» приоткрывает занавес будущего правления Империей. Известный в литературе архетип старца описан К.Г. Юнгом, который отождествлял прообраз старого мудреца с понятиями смысла и духа [9. С. 297]. Архетип мудрого старца содержит в себе значение таких мотивов как любовь, просветленность, понимание, мудрость, высшее проявление жизни. Отношения старца и ученика символизируют преодоление мирской разъединенности, разрушение закрытости отдельного Я, что приводит к интимно-духовной общности двоих.

У Крусанова старик является не просто добродушным предсказателем, но частью мистической реальности романа, наряду с Могами, Псами Гекаты: «Чист ты умом, Ваня, сказал с улыбкой старик, аки младенец от крещальной купели. А ты? холодея, спросил Некитаев. Кто ты такой? Я-то? сощурился дед. Я пламенник. Порода такая на чудеса способная и шибко живучая. Не слыхал о нас?» [3. С. 71].

В эпизоде, когда старик передает амулет Ивану, предвидя в нем будущего государя, также прослеживается обрядовый мотив. Крусанов подробно описывает передачу амулета, равно как и сам обжигающий грудь Некитаева амулет, наполненный силой солнечного света.

В итоге Иван предстает бесстрашным вождем, которому все дозволено: любовные отношения с сестрой, убийство Петра Легкоступова и многое другое. Он становится преобразователем новых ценностей и разрушителем старых. Иван глубоко убежден, что единственный способ усмирять бунты и создавать Империи есть война.

* * *

Таким образом, главный герой Крусанова является носителем свойств культурного героя. В первую очередь это выражается в «знаковом» для России русско-китайском происхождении Ивана (тема евразийства). Смешение русской и китайской крови делает героя исключительным, сверхнациональным. Далее свой дополнительный смысл в мифологический образ героя вносит мотив инцеста: лишь правитель мог позволить себе нарушить моральный запрет на родственные связи с сестрой (тема царской вседозволенности). Третьей рассмотренной нами составляющей мифа является инициатическая тема и обрядовые мотивы: в мифологии героем-воином становился тот, кто способен пройти все ступени испытаний мужества (инициации). Эти компоненты организуют мифопоэтическую основу романа Крусанова «Укус ангела».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Аверинцев С.С.* К истолкованию символики мифа о Эдипе // *Античность и современность.* М., 1972.
- [2] *Крусанов П.В.* Все прочее — литература. СПб.: Амфора, 2007.
- [3] *Крусанов П.В.* Укус ангела: Роман. СПб.: Азбука-Аттикус, 2013.
- [4] *Мелетинский Е.М.* Избранные статьи. Воспоминания. М.: РГГУ, 1998.
- [5] *Мелетинский Е.М.* Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1991.
- [6] *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. М.: Наука, 1976.

- [7] *Токарев С.А.* Обряды и мифы // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. Т. 2.
- [8] *Элиаде М.* Трактат по истории религий в двух томах. Серия: Миф, религия, культура СПб. Алетейя, 1999.
- [9] *Юнг К.Г.* Архетип и символ. М., 1991.
- [10] *Пахомова С.С.* Повествовательные стратегии в современной прозе. 2012.

MYTHOPOETIC BY P. KRUSANOV: MYTH OF THE TRUTH RULER IN THE NOVEL “ANGEL’S BITE”

A.S. Torosyan

Peoples' Friendship University of Russia
Mikluho-Maklay str., 6, Moscow, Russia, 117298

Research is devoted to one of the central problems of modern literary criticism — the interaction of literature and myth. The article seeks to prove that the image of the main character in the novel “Angel’s bite” by Petersburg writer Pavel Kusanov sprouting from the myth of the Culture hero. Analyzes the major stages of the formation of the protagonist, the main of which is a initiation rite that has mythological roots, as well as the motive of incest as one of the central themes in archaic texts. During the research the author found that novel “Angel’s bite” by P. Kusanov contains mythological components. Learning mythopoetics of novel “ Angel’s bite “ will enter Kusanov’s work in the overall context of contemporary art mythologism.

Key words: Kusanov, mythologism, myth, culture hero, initiation, archetype, Empire, rite.

REFERENCES

- [1] *Averincev S.S.* K istolkovanijusimvolikimifa o Edipe [To the interpretation of the symbols in the Myth about Oedipus] // “Antichnostisovremennost” [Antiquity and modernity]. М.,1972.
- [2] *Krusanov P.V.* Vseprochee — literature [The remaining is Literature] / Pavel Kusanov. SPb.: Amfora, 2007.
- [3] *Krusanov P.V.* Ukusangela: Roman [Angel’s bite]. SPb.: Azbuka-Attikus, 2013.
- [4] *Meletinskiy Ye.M.* Izbrannyestat'i. Vospominaniya [Selected articles. Memories]. М.: RGGU, 1998.
- [5] *Meletinskiy Ye.M.* (gl. red.) Mifologicheskiy slovar [Mythological Dictionary]. М.: Sovetskaya entsiklopediya, 1991.
- [6] *Meletinskiy Ye.M.* Poetikamifa [Poetics of the Myth]. М.: Nauka, 1976.
- [7] *Tokarev S.A.* Obryadyimify [Ceremonies and myths] // Mify narodov mira: Entsiklopediya [Myths of the World. Encyclopedia]. М., 1980. Т. 2.
- [8] *Eliade M.* Traktat po istorii religiy v dvukh tomakh. Seriya: Mif, religiya, kul'tura [Triatise on then the History of Religions in two volumes. Series: Myth, Religion, Culture]. SPb.: Aleteyya, 1999.
- [9] *Yung K.G.* Arkhetip i simvol [Archetype and Symbol]. М., 1991.
- [10] *Pakhomova S.S.* Povestvovatel'nyye strategii v sovremennoy proze [Narrative strategies in modern prose]. СПб., 2012